Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://filosoff.org/ Приятного чтения!

Фромм Эрих Комментарии к

«1984».
Оруэлла – это выражение настроения и ещё это предупреждение. Настроение, которое оно выражает, очень близко к отчаянию за будущее человека, а предупреждение заключается в том, что, если курс движения истории не изменится, то люди по всему миру потеряют свои самые человечные качества, превратятся в бездушные автоматы, и, причём, даже не будут подозревать об этом.

Настроение беспомощности по поводу будущего человека находится в ярко выраженном контрасте с одной из наиболее фундаментальных черт Западной философии: верой в человеческий прогресс и возможности человека создать справедливый мир. Корни этой надежды появились ещё у греческих и римских мыслителей, так же как и в Мессианской концепции книги Пророков Ветхого Завета. Философия истории Ветхого Завета утверждает, что человек растёт и раскрывает себя в истории и, в конце концов, становится тем, кем он потенциально может стать. Это подтверждает то, что он полностью развивает свой разум и любовь, и, таким образом, ему даётся право захватить мир, не отделяясь от других людей и природы, в то же время, сохраняя свою индивидуальность и неприкосновенность. Всеобщий мир и справедливость – задачи человека, и пророки верят, что, несмотря на все ошибки и грехи, такой «конец дней» наступит, символизируемый фигурой Мессии.

Концепция пророков была исторической, законченное утверждение, которое следует осознать людям в пределах определённого исторического времени. Христианство превратило эту концепцию в межисторическую, чисто духовную, хотя не списало идею о связи между моральными нормами и политикой. Христианские мыслители позднего Средневековья подчёркивали, что, хоть «Божье Царство» ещё не существовало в пределах исторического времени, социальный порядок должен соответствовать духовным принципам Христианства. Христианские секты до и после Реформации акцентировали эти требования более настоятельно, боле активно и более революционно. С упадком средневекового мира, человеческое чувство силы и его надежда не только на индивидуальное, но и на социальное совершенство, получила новую силу и пошла новым путём.

Одним из наиболее важных среди них стала новая форма литературных произведений, которая начала развиваться после Реформации, первым выражением которой стала «Утопия» (буквально: «нигде») Томаса Мора, название, которое потом отождествлялось со всеми сходными работами. Моровская «Утопия» соединяла в себе острую критику его собственного общества, его иррациональность и несправедливость, с картиной общества, которое, хотя и со своими недостатками, разрешило большинство человеческих проблем, которые казались абсолютно неразрешимыми для его собственных современников. Что характеризует «Утопию» и другие похожие произведения, Мор не говорит здесь общими словами о принципах такого общества, но показывает воображаемую картину с конкретными деталями того общества, которое соответствует глубочайшим стремлениям человека. В отличие от пророческой мысли, эти «совершенные общества» не являются «концом дней», но уже существуют – хотя скорее и в географическом отдалении, чем во временном.

Тема «Утопии» была продолжена двумя другими книгами, итальянского монаха Кампанеллы «Город Солнца» и немецкого гуманиста Андре «Христианополис», последняя – самая поздняя из трёх. Существуют различия во взглядах и оригинальности в этой трилогии утопий, хотя различия эти не так значительны по сравнению с их общими чертами. Утопии писали с тех пор в течение нескольких столетий до начала XX века. Последняя и наиболее убедительная утопия Эдварда Беллами «Смотря Назад» была издана в 1888. После «Хижины Дядюшки Тома» и «Бена Гура», это была одна из наиболее популярных книг на рубеже веков, изданная многомиллионными тиражами в США, переведённая более чем на 20 языков. Утопия Беллами была частью отличной американской традиции, выраженной в размышлениях Уитмена, Торе и Эмерсона. Эти была американская версия тех идей, которые в то время получили наиболее сильное

выражение в социалистическом движении Европы.

Эта надежда на социальное и личное совершенство человека, вполне ясно описанная философскими и антропологическими терминами в произведениях философов эпохи Просвещения XVIII века и социалистами-мыслителями в XIX, оставалась неизменной до Первой Мировой войны. Война, в которой миллионы человек погибли из-за территориальных амбиций Европейских властей, хотя и при иллюзии борьбы за идеалы мира и демократии, оказалось началом того развития, которое в сравнительно короткое время собиралось разрушить почти двухтысячелетнюю Западную традицию надежды и превратить её в настроение отчаяния. Моральная бессердечность Первой Мировой была лишь началом. За ним последовали другие события: предательство социалистических надежд Сталинским реакционным государственным капитализмом; жёсткий экономический кризис в конце двадцатых; победа варварства в одном из старейших мировых культурных центров – Германии; безумие Сталинского террора в тридцатых; Вторая Мировая война, в которая каждая из участвовавших наций потеряла какие-то моральные устои, ещё существовавшие во время Первой Мировой; неограниченное истребление мирного населения, начатое Гитлером и продолженное ещё более полным уничтожением городов Гамбург, Дрезден и Токио, и, в конце концов, использованием атомной бомбы против Японии. С этого момента человечество столкнулось с ещё большей опасностью – уничтожения нашей цивилизации, если не всего человеческого рода, термоядерным оружием, так как оно существует сегодня и развивается в устрашающих пропорциях.

Большинство людей, однако, не осознаёт этой опасности и своей собственной беспомощности. Некоторые верят, что, раз возможная война настолько разрушительна, она невозможна; другие утверждают, что даже если 60 или 70 миллионов американцев будут убиты в первые несколько дней ядерной войны, нет причины полагать, что жизнь не будет продолжаться как и раньше, стоит только пережить первый шок. Особо ценная значимость книги Оруэлла в том, что она выразила новое настроение беспомощности, которое наполнило собой наше время, до того как это настроение овладело сознанием людей.

Оруэлл не одинок в своей попытке. Два других автора, российский Замятин в книге «Мы» и Олдос Хаксли в своей «О дивный новый мир» выразили настроение настоящего и предупреждение для будущего в манере, похожей на Оруэлловскую. Эта новая трилогия того, что можно назвать «негативными утопиями» середины двадцатого века – абсолютная противоположность трилогии позитивных утопий, упомянутых ранее, написанных в XVI и XVII веках1.(1 – сюда можно также добавить «Железный Каблук» Джека Лондона, предсказание фашизма в Америке, самая ранняя из современных антиутопий) Негативные утопии выражают настроение безнадёги и беспомощности современного человека, так же как и ранние утопии выражали настроение уверенности в себе и надежды средневекового человека. Не могло быть ничего более парадоксального в историческом плане, чем эта перемена: человек начала индустриальной эпохи, реально не обладавший средствами к достижению мира, где бы стол был накрыт для всех голодных, живший в мире, в котором существовали экономические причины для рабства, войны и эксплуатации, лишь нащупывав возможности новой науки и её применения к технике и продукции, – тем не менее человек в начале современного развития был полон надежды. Четырьмя веками позже, когда все эти надежды стали выполнимыми, когда человек может производить достаточно для всех, когда война стала ненужной, потому что технический прогресс может дать любой стране больше богатства, чем территориальное завоевание, когда весь земной шар находится в процессе унификации, как это было с континентом 400 лет назад, в тот самый момент, когда человек находится на гране исполнения своей надежды, он начинает терять её. Важный момент всех трёх антиутопий в том, чтобы не только показать будущее, к которому мы двигаемся, но и объяснить исторический парадокс.

Три антиутопии различаются акцентами и деталями. «Мы» Замятина, написанная в двадцатых, имеет больше сходных черт с «1984», чем со «О дивный новый мир» О. Хаксли. «Мы» и «1984» описывают абсолютно бюрократизированное общество, в котором человек – лишь номер, он потерял всю свою индивидуальность. Это передаётся через смесь безграничного террора (в книге Замятина добавлена операция на мозге, что меняет человека даже физически) и идеологического и психологического управления. В произведении Хаксли основной инструмент превращения человека в автомат это применение массового гипноза, что позволяет обойтись без прямого террора. Кто-то скажет, что книги Замятина и Оруэлла показывают скорее Сталинистскую и нацистскую диктатуру, тогда как «О дивный новый мир» даёт картину развития Западной

индустриальной цивилизации, если она будет продолжать развиваться в сегодняшнем направлении без существенных изменений.

Несмотря на эти различия, есть один общий вопрос во всех трёх антиутопиях. Это вопрос философского, антропологического, психологического, и, в некоторой мере, религиозного плана. Звучит он так: может ли человеческое естество быть изменено настолько, что человек забудет о своём стремлении к свободе, достоинству, честности, любви – словом, может ли человек забыть о том, что он человек? Или человеческому естеству присущ динамизм, который будет реагировать на ущемление основных человеческих нужд попыткой изменить бесчеловечное общество в человечное? Следует заметить, что все три автора не занимают простой позиции психологического релятивизма, который весьма популярен среди социальных учёных сегодня; отправной точкой их произведений не является утверждение, что такого понятия как человеческое естество не существует вообще; что не существует характерных черт, составляющих сущность человека; и что человек рождён как не чистый лист, на котором общество напишет свой текст. Они утверждают, что человеку свойственно сильное стремление к любви, к справедливости, к правде, к солидарности, и, в этом плане, они существенно отличаются от релятивистов. Фактически, они подтверждают силу и настойчивость этих человеческих стремлений описанием самих средств, которые они представляют как необходимые к уничтожению. В «Мы» Замятина операция на мозге, сходная с лоботомией необходима, чтобы избавиться от потребностей человеческого естества. В «Смелом Новом Мире» Хаксли необходимы наркотики и искусственная биологическая селекция, а у Оруэлла это практически безграничное использование пыток и промывки мозгов. Ни один из авторов не может быть обвинён в утверждении, что уничтожить человеческое в человеке – лёгкая задача. Всё же, все трое подходят к общему заключению: это возможное способами и техникой широко известной уже сегодня.

Несмотря на множество сходных черт с «Мы» Замятина, «1984» Оруэлла делает собственный вклад в разрешение этого вопроса. Как может быть изменено человеческое естество? Я бы хотел сказать сейчас о некоторых более специфических концепциях Оруэлла.

Вклад Оруэлла, который был наиболее важен в 1961 году и на протяжении следующих 5-15 лет, это его связь между диктатурой и атомной войной. Первые атомные войны прошли в сороковых, широкомасштабная атомная война началась десятью годами позже, и несколько сотен бомб были сброшены на города Европейской части Росси, Западной Европы и Северной Америки. После этой войны правительства поняли, что её продолжение положит конец не только организованному обществу, но и их власти. По этой причине бомбы больше не сбрасывались, а три крупнейших блока «умеренно продолжали производить атомное оружие и складировали его на черный день, который, в чем они были уверены, рано или поздно должен был наступить». Целью руководящей партии оставалось узнать, «как в течение нескольких секунд без предупреждения уничтожить несколько стен миллионов человек». Оруэлл написал «1984» до открытия термоядерного оружия, и стоит заметить, что в пятидесятых та самая цель, о которой только что говорилось, была достигнута. Атомные бомбы, сброшенные на японские города, кажутся маленькими и неэффективными по сравнению с массовым кровопролитием, которое можно устроить, применив термоядерное оружие с мощностью, достаточной, чтобы уничтожить 90 из ста процентов населения страны в считанные минуты.

Важность оруэлловской концепции войны лежит в некотором числе точных наблюдений, сделанных им.

Прежде всего, он показывает экономическую важность постоянного производства оружия, без которого экономическая система просто не смогла бы существовать. Более того, он рисует впечатляющую картину, как должно развиваться общество, которое постоянно готовится к войне, находится в постоянном страхе быть атакованными, постоянно ищет способы к полному уничтожению своего врага. Картина Оруэлла так уместна потому, что она приводит говорящий сам за себя аргумент против популярной идеи о том, что мы можем спасти свободу и демократию, продолжая гонку вооружений и находя «стабильный» противовес. Эта успокоительная картина игнорирует тот факт, что, увеличивая технический «прогресс» (который создает абсолютно новые виды оружия каждые 5 лет, и скоро даст возможность создавать 100 или 1000 вместо 10 мегатонн бомб), всему обществу придётся уйти жить в подполье, но что разрушительная сила термоядерных бомб всегда будет больше, чем глубина пещер, что армия станет доминирующей силой (де-факто, если не де-юре), что

ненависть и страх перед возможным агрессором разрушат основы демократического, гуманистического общества. Другими словами, продолжающаяся гонка вооружений, даже если и не приведёт к началу термоядерной войны, точно уничтожит те свойства нашего общества, которые можно назвать «демократическими», «свободными», или «в американской традиции». Оруэлл показывает несбыточность предположения, что демократия может существовать в обществе, готовящемся к ядерной войне, и показывает это образно и убедительно.

Другой важный аспект – оруэлловское описание природы правды, которое на поверхности является картиной Сталинского отношения к правде, особенно в тридцатых. Но если кто-то видит в этом ещё один укор сталинизму, то он упускает значительный элемент анализа Оруэлла. На самом деле он говорит о тенденции, идущей в западных индустриальных странах, только более медленными темпами, чем в Китае или России. Основной вопрос, который поднимает Оруэлл, это есть ли вообще такое понятие как «правда». Руководящая партия утверждает: «Не существует объективного мира вне нас. Реальность существует лишь у человека в голове и больше нигде… что Партия объявит правдой, то и будет правдой». Если это верно, то, контролируя человеческое сознание, Партия контролирует правду. В драматическом диалоге между представителем Партии и избитым повстанцем, диалоге, достойном сравнения с разговором Инквизитора с Иисусом у Достоевского, объясняются основные принципы партии. Однако, в отличие от Инквизитора, лидеры Партии даже не притворяются, что их система создана, чтобы сделать человека счастливее, потому что люди, будучи жалкими и боязливыми созданиями, хотят избежать свободы и не могут смотреть правде в глаза. Лидеры осознают, что у них самих есть лишь одна цель, и цель эта – власть. Для них «власть это не цель, это конец. Власть это возможность наносить сколько угодно боли и страдания другому человеку.» таким образом, власть для них создаёт и реальность, и правду. Позицию, к которой Оруэлл относит здесь правящую элиту, можно назвать самой высшей формой философского идеализма, но ближе к истине будет заметить, что концепция правды и реальности, представленная в «1984» – это высшая форма прагматизма, при котором правда поставлена в полную зависимость от Партии. Американский писатель Алан Харрингтон, который в своей книге «Жизнь в Хрустальном Дворце» даёт тонкую и проникновенную картину жизни в большой американской корпорации, пришёл к отличному выражению, объясняющему современную концепцию правды: «подвижная правда» («mobile truth»). Если я работаю на большую американскую корпорацию, которая утверждает, что её продукты лучше продуктов её конкурентов, то вопрос о том, оправдано ли такое утверждение, в пределах установленной реальности, становится неважным. Важным остаётся то, что, пока я работаю на эту корпорацию, это утверждение становится «моей» правдой, и я не пытаюсь узнать, объективная ли это истина. Фактически, если я сменю место работы или перейду в корпорацию, которая до этого была «моим» конкурентом, я приму новую правду, сто их продукт лучший, и, субъективно говоря, эта новая правда будет так же верна, как и предыдущая. Это один из наиболее отличительных и разрушительных свойств нашего общества, что человек, всё больше и больше становясь инструментом, превращает реальность во что-то всё более и более близкое к его собственным интересам и функциям. Правда подтверждается согласием миллионов; к слогану «как миллионы могут ошибаться» добавлен ещё один – «и как же меньшинство может быть право». Оруэлл чётко показывает, что в обществе, в котором концепция правды как объективного суждения, относящегося к реальности, отсутствует, любой человек, относящийся к меньшинству, может по праву считать себя полоумным.

Описывая доминирующий в «1984» образ мысли, Оруэлл нашел слово, которое вошло и в современный словарный запас, – «двоемыслие». «Двоемыслие значит, что человек может одновременно держать в голове два абсолютно противоречивых понятия, и будет принимать их обоих… Этот процесс должен быть сознательным, иначе он не пройдёт с нужной точностью, но, в то же время, он должен быть бессознательным, иначе он может принести чувство поддельности и, таким образом, чувство вины.» Именно бессознательный аспект двоемыслия склонит большое количество читателей романа к мысли, что метод двоемыслия взят на вооружение в Китае и России, и является чем-то чуждым для них. Однако, это иллюзия, что можно доказать на нескольких примерах. Мы, на Западе, говорим «свободный мир», подразумевая под этим словом не только системы США и Англии, которые основаны на свободных выборах и свободе выражения, но мы также включаем сюда Южно-американские диктатуры (во всяком случае, включали, когда они существовали); а также различные формы диктаторских режимов, по типу Франко и Салазара, и те, что существуют в Южной Африке, Пакистане и Абиссинии. Говоря о свободном мире, мы на самом

деле имеем в виду все те государства, которые противостоят России и Китаю, и совсем не то, как указывает значение слов, что в этих государствах существует политическая свобода. Ещё один современный пример, что можно держать в голове два противоречащих друг другу понятия и принимать их обоих, связан с дискуссией о вооружении. Мы тратим значительную часть наших доходов и энергии на постройку термоядерного оружия и закрываем глаза на тот факт, что это оружие может быть использовано и может уничтожить треть, половину, а то и большую часть нашего населения (как и населения врага). Некоторые заходят ещё дальше; так Герман Канн, один из наиболее влиятельных писателей на тему атомной стратегии сегодня, утверждает: «… другими словами, война ужасна, это вне вопроса, но так же и мир, и это правильно, если взять под внимание те расчеты, что мы ведём сегодня, чтобы сравнить ужас войны и ужас мира и выяснить, что хуже.»

Канн утверждает, что термоядерная война будет означать уничтожение шестидесяти миллионов американцев, и всё же он считает, что в этом случае «страна восстановится довольно быстро и эффективно» и трагедия термоядерной войны не помешает «нормальной и счастливой жизни большинства выживших и их потомков». Это мнение содержит в себе: 1) то, что мы готовимся к войне, чтобы сохранять мир; 2) если начнётся война и русские уничтожат треть нашего населения, и мы сделаем с ними то же самое (и даже больше, если сможем), то люди после этого всё равно будут жить счастливо; 3) не только война, но и мир ужасен, и необходимо точно узнать, насколько война страшнее мира. Людей, которые принимают такую точку зрения, называют «трезво мыслящими», тех, кто сомневается, что, если погибнут два или шестьдесят миллионов человек, Америка останется «нетронутой», – «нетрезво мыслящими», тех, кто указывает на политические, психологические и моральные последствия, называют «нереалистичными».

Хотя здесь и не место для длинных дискуссий на тему разоружения, эти примеры должны быть приведены, чтобы показать, что очень важно для понимания оруэлловской книги, что «двоемыслие» уже является частью современного мира, а не что-то что может случиться в будущем, и при диктаторских режимах.

Ещё одна точка в оруэлловской дискуссии тесно связано с «двоемыслием», а именно то, что при удачном манипулировании сознанием человека, человек не говорит противоположного тому, что думает, а думает противоположное правде. Таким образом, например, если человек полностью потерял свою независимость честность, если он ощущает себя вещью, частью государства, партии или корпорации, тогда дважды два – пять, или «Рабство – это Свобода», и он считает себя правым, ведь он больше не осознаёт различия между правдой и ложью. Это особенно относится к идеологиям. Как инквизиторы, пытая своих заключённых, думали, что действуют во имя христианской любви, так и Партия «отрекается и очерняет каждый принцип, на котором основывалось социалистическое движение, и предпочитает делать это во имя социализма». Её содержание перевёрнуто с ног на голову, но люди всё равно верят, что оно значит именно то, о чём говорит. Здесь Оруэлл довольно очевидно затрагивает тему фальсификации социализма русским коммунизмом, но следует добавить, что Запад также повинен в подобной фальсификации. Мы показываем наше общество как общество свободной инициативы, индивидуализма идеализма, а на самом деле это лишь слова. Мы представляем собой централизованное, административное индустриальное общество, бюрократическое по существу, мотивированное материализмом и лишь немного смягчённое по-настоящему духовными и религиозными заботами. К этому относится и второй пример «двоемыслия», а именно что некоторые авторы, обсуждая атомные стратегии, ставят под сомнение тот факт, что убивать, с христианской точки зрения, большее зло, чем быть убитым. Читатель найдёт много других черт современной западной цивилизации, если, конечно, сам сможет переступить через своё «двоемыслие».

Конечно, картина Оруэлла чересчур депрессивна, особенно, если, как и сам Оруэлл заметить, что это картина не только «врага», но и всего рода человеческого в конце двадцатого века. Можно двояко реагировать на эту картину – или стать ещё более беспомощным и уступчивым, или осознать, что ещё есть время и действовать с большей решимостью и ясностью. Все три антиутопии утверждают, что возможно полностью обесчеловечить человека, и жизнь будет идти своим чередом. Кто-то может засомневаться в правильности этого предположения и решить, что, если возможно уничтожить в человеке человеческую суть, то с этим будет уничтожено и всё будущее человечества. Эти люди будут настолько бесчеловечны и тупы, что просто перебьют друг

друга, или умрут от полнейшей скуки и зависти. Если мир «1984» станет доминирующим на этой планете, то это будет мир безумцев, нежизнеспособный мир (Оруэлл очень тонко показывает это, указывая на безумный проблеск в глазах лидера Партии). Я уверен, что ни Оруэлл, ни Хаксли или Замятин не хотели настоять на том, что такой мир обязательно настанет. Скорее наоборот, вполне понятно их намерение прозвучать как предупреждение, куда мы катимся, если не возродим дух гуманизма и достоинства, которые лежат в самом основании западной культуры. Оруэлл, как и двое других авторов, подразумевает, что новая форма административного индустриализма, при котором человек создаёт машины, которые действуют как человек, и развивает человека, который действует как машина, это ведёт к эре обесчеловечения и полного отчуждения, при которой человек превращается в приложение к процессу производства и потребления. Все три автора подразумевают, что опасность скрывается не только в коммунизме в его русской и китайской версиях, но и в современном состоянии производительности и организации, и относительно независимо от какой бы то ни было идеологии. Оруэлл, как и авторы других антиутопий, – пророк бедствия. Он хочет предупредить и пробудить нас. Он ещё надеется – но в отличие от авторов ранних утопий, его надежда отчаянная. Надежду можно реализовать, только если она будет замечена, так что «1984» учит нас, что опасность, которая стоит сегодня перед всеми людьми, опасность общества роботов, которые потеряли последние следы индивидуальности, любви, критического мышления, и даже не осознают этого из-за «двоемыслия». Такие книги, как Оруэлла, – мощные предупреждения, и получится очень неудачно, если читатель самодовольно поймёт «1984» как очередное описание сталинского варварства и не заметит, что это касается и нас тоже.

1976 г.

См. это определение правды по Эрих Фромм «Побег от Свободы». Также определение Симона Вейля: «власть – это возможность превратить человека в труп, или, другими словами, в вещь». Более детально эта проблема проанализирована в Эрих Фромм, «Общество в своём уме».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://filosoff.org/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://dostoevskiyfyodor.ru/ Приятного чтения!